

РАССКАЗ О БРАХМАНАХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ВЕРСИЯХ «РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ»: ИСТОЧНИКИ И ИХ МОДИФИКАЦИЯ¹

Е. М. КОРОЛЕВА

В статье анализируются сходства и отличия вставного рассказа о брахманах в латинском тексте «Истории сражений» (редакция J2) и древнерусской «Хронографической Александрии» (вторая редакция). Изображение брахманов в двух версиях обладает рядом общих черт, но акцент в их критике Александра и македонских воинов сделан на разных аспектах: морально-теологическом в «Истории сражений» и морально-практическом в «Александрии». Образ самого Александра также различается: в латинской версии он не принимает образ жизни и учение брахманов и выдвигает собственную контртеорию, как следует и как не следует жить человеку; в древнерусской версии Александр полностью признает правоту предводителя брахманов, но не может ничего поделать с судьбой, которая волей провидения увлекает его все дальше на путь завоеваний.

Беллетризованная биография Александра Македонского, в особенности его завоевательные походы, была одним из излюбленных средневековых сюжетов, который существовал в большом количестве обработок и переложений практически на всех европейских языках. В Западной Европе литературная популярность Александра началась с создания краткой версии (Eritome) первого латинского переложения Юлия Валерия, составленной в IX в., и сохранялась вплоть до XV в., когда все еще продолжали появляться новые обработки сюжета на национальных языках (например, французские тексты Жана Воклена и Васко де Люсена). Впрочем, и в XVI в. тексты об Александре продолжали пользоваться успехом у читателей, о чем свидетельствует появление нескольких печатных изданий. На Русь письменные свидетельства о жизни Александре проникли несколько позже, чем в Западную Европу, а именно в первой половине XI в., когда, предположительно в Киеве, была переведена византийская хроника Георгия Амартола, где несколько глав посвящено Александру². Впрочем, популярность биографии македонского царя и сохранилась дольше на русской почве: так, большинство рукописей т. н. «Сербской Александрии» относятся к XVII–XVIII вв.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых МК-1584.2011.6.

² Книги временные и образные Георгия Мниха / Изд. В. Матвеевко, Л. Щёголева. М., 2006. Кн. 1. Гл. 22–26.

Большая часть текстов об Александре, как западноевропейских, так и древнерусских, фактически восходят к одному прототипу — позднегреческому «Роману об Александре» Псевдо-Каллисфена, хотя и к разным его редакциям. В греческом оригинале авторство приписывается племяннику Аристотеля, придворному историографу Александра Македонского Каллисфену. Эта атрибуция, несомненно, фиктивная, и уже первоначальный вариант представлял собой художественный текст, рассказывающий о чудесных приключениях легендарного полководца, что, вероятно, и сделало, произведение Псевдо-Каллисфена столь привлекательным в глазах читателей Средневековья. Наличие общего источника дает нам основание для сопоставительного анализа текстов разных языковых ареалов. Их типологическая близость несомненна, несмотря на принадлежность различным средневековым литературам.

Одним из двух текстов, которые мы рассмотрим в данной статье, является восходящая к Псевдо-Каллисфену латинская версия, которая дала самую богатую западноевропейскую традицию: она известна под названием «История сражений Александра Великого» (*Historia de preliis Alexandri Magni*). В 950 г. архипресвитер Лев Неаполитанский привез из своего путешествия рукопись рецензии дельта Псевдо-Каллисфена³ и сделал ее перевод для герцога Иоанна III. Впоследствии появились интерполированные редакции J1, J2 и J3, использованные для переложений на национальные языки. Наибольшую популярность из вышеперечисленных приобрела редакция J2, созданная приблизительно в начале XIII в. и известная в 37 рукописях⁴. Она стала основой французского прозаического «Романа об Александре» (XIII в.); на нее как на один из главных источников опирался Рудольф фон Эмс (1-я половина XIII в.)⁵; ее же переложил на немецкий и некий Зайфрит в середине XIV в. Редакция J2 также использована в немецком прозаическом «Александре» Вихольта (1400)⁶. В связи с наибольшей распространенностью латинская редакция J2 взята нами за основной текст.

В качестве второго объекта исследования была выбрана древнерусская «Хронографическая Александрия», также второй, наиболее популярной редакции. Своим названием этот вид «Александрии»⁷ обязан тем, что его представители встречаются в основном в составе хронографов⁸. Предполагается, что первая

³ Греческий оригинал этой редакции не дошел до нас, его существование лишь предполагается.

⁴ *Hilka A., Magoun F. P.* A List of Manuscripts Containing Texts of the *Historia de Preliis Alexandri Magni*, *Recensions I1, I2, I3* // *Speculum* 9 (1934). S. 84–86. Редакция J2 издана Альфонсом Хильке, см.: *Der Altfranzösische Prosa-Alexanderroman nebst dem lateinischen Original der Historia de Preliis* / Hg. von A. Hilke. Halle, 1920.

⁵ Другим источником стал труд римского историка I в. н. э. Квинта Курция «История Александра Великого».

⁶ Этот автор известен также под именем Бабилот. Помимо редакции J2, в его труде также использована редакция J3.

⁷ Существует также другой тип романа об Александре — т. н. «Сербская Александрия», пришедшая на Русь в XV в. через посредство сербской литературы (Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. Л.: Наука, 1965). Она восходит к иной рецензии Псевдо-Каллисфена, а именно но эпсилон.

⁸ Известна лишь одна рукопись, представляющая текст «Александрии» не в составе хро-

редакция «Хронографической Александрии» была известна уже в XII в.⁹, хотя самые ранние сохранившиеся рукописи относятся к XV столетию. Перевод был сделан с греческой рецензии бета Псевдо-Каллисфена, наиболее распространенной и поэтому зачастую именуемой «Вульгатой» этого текста. На русской почве «Александрия» претерпела ряд обработок. В. М. Истрин выделил всего пять редакций¹⁰, из которых наиболее интересны, на наш взгляд, первая как наиболее ранняя и вторая как содержащая наибольшее число оригинальных дополнений, сделанных уже на русской почве, а также сыгравшая наибольшую роль в дальнейшем становлении легенды об Александре. Именно вторая редакция легла в основу двух последующих, третьей и четвертой, которые являются переработками второй без принципиального изменения содержания¹¹. Созданная не позднее первой половины XV в., вторая редакция «Хронографической Александрии» известна в десяти рукописях в составе «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции¹², вошла в переработанном виде в более поздние хронографы: Русский, Западнорусский и др., а также стала частью знаменитого Лицевого свода Ивана Грозного¹³.

Поскольку в рамках одной статьи представляется невозможным полный сопоставительный анализ двух текстов, для рассмотрения была выбрана лишь одна группа эпизодов, а именно рассказ о встрече Александра с легендарными индийскими мудрецами — брахманами. На примере этого рассказа будет сделана попытка продемонстрировать отличия в концепции образа македонского царя, который стремятся представить авторы древнерусского и латинского текстов.

Сведения об этой встрече появляются еще у ряда античных и позднеантичных авторов: так, о ней повествуют Страбон («География», XV 1, 63–65), Плутарх («Александр», 64–65), Арриан («Поход Александра», VII 2, 2–4) и Климент Александрийский («Строматы», VI 38). Однако средневековые тексты не обращались непосредственно к этим античным авторам, черпая сведения из более поздних источников¹⁴.

В первоначальной версии Псевдо-Каллисфена встрече с брахманами отведено всего две небольшие главки 5 и 6 в книге III¹⁵. Их сюжет заключается в

нографов: РНБ, F.XV.54. См.: Летописец Еллинский и Римский. Т. 2: Комментарий и исследование. СПб., 2001. С. 161. Прим. 136.

⁹ См. статью: *Вилкул Т.* «“Литредакция” летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.)» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М.: Знак, 2008. С. 425–446.

¹⁰ *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М., 1893.

¹¹ Пятая редакция является, по мнению В. Истрина, кратким пересказом четвертой редакции, но с дополнениями, сделанными по хронике Мартина Бельского и нашей «Александрии» второй редакции. См.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. С. 310.

¹² Летописец Еллинский и Римский. Т.1. СПб, 1999. С. II — III. Цитаты из «Александрии» второй редакции будут приводиться по этому изданию.

¹³ Рукопись БАН, П I Б, № 76 (старый шифр — 17.17.9), л. 587 — 797об.

¹⁴ Об источниках см. ниже.

¹⁵ Ставшее классическим деление текста на книги и главы выполнено К. Мюллером, который опубликовал Псевдо-Каллисфена по трем известным в то время редакциям вместе с трудами Арриана, изданными Ф. Дюбнером: *Arriani Anabasis et Indica*, Paris, 1846 (далее — Müller).

следующем: после победы над индийским царем Пором, Александр решает посетить мудрецов-брахманов. Узнав об этом, они шлют царю послание, в котором объясняют, что ему нет смысла идти на них войной, т. к. они не имеют никакого имущества и богатств. Александр, движимый любопытством, все же осуществляет свое намерение. При встрече царь задает философские вопросы, призванные выявить, так ли мудры брахманы, как они говорят, например: кого больше, живых или мертвых; что сильнее, смерть или жизнь, что больше, земля или море и т. д. Эпизод с вопросами и ответами встречался уже у Плутарха («Александр», 64) и Климента Александрийского («Строматы», VI, 38), правда, с рядом отличий от позднеантичной версии. В частности, в обоих случаях шла речь о пленении Александром философов — десяти гимнософистов¹⁶, чего нет у Псевдо-Каллисфена. Кроме того, список вопросов у Псевдо-Каллисфена и названных авторов совпадает далеко не полностью.

По-видимому, ответами на заданные вопросы и завершалась первоначально встреча с брахманами в тексте Псевдо-Каллисфена. В рукописях рецензии бета, которая, напомним, легла в основу древнерусского перевода, есть дополнение, взятое из иного источника — сказания Палладия, которое позднее станет основой для будущих распространений русской «Александрии»: добавлена краткая беседа Александра с предводителем брахманов Дандамием, который рассказывает македонскому царю об их праведной жизни, после чего Александр предлагает Дандамию дары (золото, одежду, вино, масло), из которых тот принимает лишь масло, выливая его в огонь в качестве жертвоприношения (Müller, III, 6).

Очевидно, даже в таком дополненном виде рассказ об индийских мудрецах не мог удовлетворить вкусы средневековых книжников, стремившихся собрать и объединить все доступные материалы, содержащие сведения о неизведанных, «чудесных» мирах. Интерес к индийской экзотике был, несомненно, свойственен средневековым литературам разных языковых ареалов: не случайно и в западноевропейских, и в русских версиях романа об Александре независимо друг от друга интерполируется большое распространение эпизода о брахманах. Для русской «Хронографической Александрии» основным источником стало сказание Палладия «О народах Индии и о брахманах»; для латинской «Истории сражений» — анонимная латинская переписка Александра с Диндимом (*Collatio Alexandro cum Dindimo*). Оба текста о брахманах были созданы примерно в одну эпоху: оригинальный рассказ Палладия датируется 375 г.¹⁷, древнейшая версия латинской переписки с Диндимом — IV в.¹⁸

Отметим, что у древнерусских книжников выбора между конкурирующими текстами не было: если у *Collatio* и имелся, как предполагают, греческий прототип, то он не сохранился и на Руси вряд ли был известен. Напротив, на Западе, помимо *Collatio*, была также известна и версия Палладия, причем как минимум

¹⁶ Об этом названии см. ниже.

¹⁷ Derrett J. D. *The History of Palladius on the Races of India and the Brahmins* // *Classica et Mediaevalia*. Copenhagen, 1960. Vol. 21. Fasc. 1–2. P. 100.

¹⁸ В рассматриваемую нами версию J2 «Истории сражений» вошла третья (и последняя) редакция переписки, встречающаяся также в версии J1 и J3, т. е. характерная для всех интерполированных версий текста. См.: Cary G. *Medieval Alexander*. Cambridge, 1967. P. 14.

в двух независимых переводах на латынь. Первый сохранился в Бамбергской рукописи E.iii.14, где представлена неинтерполированная, наиболее близкая к первоначальной версии Льва Неаполитанского «История сражений»¹⁹. Это единственная рукопись с текстом «Истории сражений», где встречается версия Палладия; она также содержит и текст переписки Александра с Диндимом второй редакции. Второй перевод приписывается св. Амвросию и известен под названием под названием *De moribus Brachmanorum*. Появился он не позднее V в., полный текст известен в четырех рукописях X–XII вв.²⁰ Однако латинское переложения Палладия не получило такой же популярности, как *Collatio*. Напротив, переписка Александра с Диндимом была распространена не только в составе «Истории сражений», но и в отдельных рукописях; количество дошедших до нас рукописей (около 80) свидетельствует о большой популярности этого рассказа. По-видимому, еще Алкуин в своей эпиграмме к Карлу Великому ссылается на этот текст, сообщая, что он высылает его вместе с текстом переписки ап. Павла и Сенеки²¹. Переписка вошла в первую и все последующие интерполированные «Истории сражений». О ее популярности также свидетельствует появление в нероманических текстах, где речь идет об Александре, например в «Зерцале историческом» Винсента из Бовэ²², «Иерусалимской истории» Жака де Витри²³, а также в восьми рукописях «Истории британских королей» (*Historia regum Britanniae*) Гальфрида Монмутского²⁴. Через посредство латинской «Истории сражений» переписка вошла в сокращенном виде и в прозаические версии об Александре на национальном языке (старо- и среднефранцузском), в частности в анонимный «Роман об Александре» XIII в.²⁵ и в «Деяния и завоевания Александра Великого» Жана де Воклена, написанные в середине XV в.²⁶ Таким образом, текст *Collatio* получил на Западе куда большее распространение, чем версия Палладия.

Обратимся теперь к выбранным нами для анализа текстам: второй редакции «Истории сражений» и второй редакции «Хронографической Александрии». Чтобы сопоставить рассказ о брахманах, необходимо ответить на следующие

¹⁹ Текст Бамбергской рукописи издан Ф. Пфистером: *Der Alexanderroman des Archpresbyters Leo* / Hg. von F. Pfister. Heidelberg, 1913. См. также русский перевод, сделанный по этому изданию: Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 23–102.

²⁰ Список рукописей и издание текста на их основе см.: *Pritchard T. The Ambrose Text of Alexander and the Brahmins* // *Classica et Mediaevalia* 44 (1993). P. 109–139.

²¹ *Alcuini Carmina*, 81 / Ed. E. Dümmler, MGH PLAC (*Monumenta germaniae historica, Poetae latini aevi Carolini*) 1. Berlin, 1881. P. 300.

²² *Vincentius Bellovacensis. Speculum quadruplex sive Speculum maius*: 4 vols. Douai, 1624. Reprint Graz, 1964–1965. V. 4. Col. 66–71; 135–137.

²³ *Jacques de Vitry (Jacobus Vitriacensis). Historia Hierosolymitana I, 2* // *Gesta Dei per Francos, I* / Hg. J. Bongars. Hannover, 1611. P. 1108–1111. Ответы Александра здесь полностью убранны, см. об этом ниже.

²⁴ Их список см. в исследовании Дж. Крик: *Crick J. C. The Historia regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth. Vol. 4: The Dissemination and Reception in the later Middle Ages*. N.Y., Brewer, 1991. P. 23.

²⁵ *Der Altfranzösische Prosa-Alexanderroman nebst dem lateinischen Original der Historia de Preliis*. S. 186–200.

²⁶ *Wauquelin J. Les faits et les conquestes d'Alexandre le Grand* / Publ. par S. Hériché. Genève, 2000. II, 33–34. P. 391–393.

вопросы: какова структура обоих рассказов; как изображены брахманы; каким предстает Александр в свете критики брахманами его образа жизни?

Если в латинском тексте использована эпистолярная форма (всего пять писем, из них три послания Александра предводителю брахманов и два Диндима — царю) и переписка в целом представляет собой целостный, монолитный комплекс, то в русской версии заметна разнородность состава источников. Сказание Палладия переплетается здесь с оригинальным Псевдо-Каллисфеновским текстом, к тому же, в него сделаны отдельные дополнения из «Сказания об Индийском царстве», «Физиолога», «Хроники Георгия Амартола» и др. Какого рода эти дополнения? Они прежде всего касаются «чудесного» характера страны брахманов: так, из «Физиолога» взято добавление о добывателях жемчуга, живущих на Черном море, рядом с индийскими горами у Араратских гор: «Ту же есть въ мори скалка, яже, солнечную лучю журиши, зачинает бисерь, еже ловци обрѣтают, ахаты, повъргыше, пушают в море, и где станеть ахать, налѣзь скалку, и ту разумѣють ловци бисерь сушь» (Летописец, с. 142–143)²⁷. Далее следует отрывок, которого нет в русском «Физиологе» в том виде, в котором он дошел до нас, но вероятно, он был заимствован из аналогичного текста: «Ту живет и звѣрь аспидь, иже глаголют, вылазя сушится на брезѣ, егоже мѣсто налазяще, взимают на цѣлбу и красоту» (Летописец, с. 143)²⁸. Из хроники Амартола заимствовано определение загадочного зверя Одонтотуранон — «зуботомитель» (Летописец, с. 144). «Сказание об Индийском царстве» — древнерусская версия знаменитого подложного письма пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу II Комнину — стало источником небольшого добавления о драгоценных камнях и общем богатстве края: «Камение же драгое и жемчюгъ и чистое злато в земли тѣи ражається. И нѣсть убогих в земли тѣи, нѣ вси богати» (Летописец, с. 142). Отдельная статья, озаглавленная «О рѣках», посвящена подробному описанию четырех рек, вытекающих из рая (Летописец, с. 144–145)²⁹. Как видно из приведенных примеров, основная цель вставок — дополнить изображение страны брахманов различными экзотическими подробностями. Благодаря добавлениям создается более красочный образ, нежели в латинском варианте. Очевидно, что интерес автора второй редакции «Александрии» лежал не только в области моральной дискуссии между Александром и философами, но также и в изображении полноценной картины чудесной страны.

Разнородности состава древнерусского рассказа противостоит, как уже сказано выше, монолитность латинского. Этому в немалой степени способствует

²⁷ Переводы древнерусского текста взяты из издания: Лицевой летописный свод XVI в.: Житие, жизнь и все бранные подвиги Александра, царя македонского (текст) / Пер. Т. А. Исаченко. М., 2009 (далее — ЛЛС-Ал.): «Здесь же в море есть раковины, которые, поглощая солнечные лучи, порождают жемчуг, который ловцы находят [следующим образом]: агаты, бросаая, опускают в море, и остановится агат, найдя раковину, и тогда понимают ловцы, что там есть жемчуг» (ЛЛС-Ал, с. 87). Текст совпадает с русским переводом «Физиолога», только сокращен. См.: *Истрин В.* Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 205.

²⁸ «Тут живет и зверь аспид, который свиреп, вылезая, обсыхает на берегу и его, находя это место, ловят для лечения и красоты» (ЛЛС-Ал, с. 87). В. Истрин не смог установить происхождение этого отрывка, см.: Там же. С. 206.

²⁹ Источник заимствования неизвестен.

использование эпистолярной формы, которая, конечно, должна была производить на читателя совершенно особое воздействие. Эпистолярное искусство подчинялось в средневековой Западной Европе особым риторическим правилам, которые изучались специализированной дисциплиной — *ars dictaminis*. Письмо было в высшей степени формализовано. В традиционном варианте, наиболее распространенном в письмовниках XII в., выделялось пять частей: *salutatio* (приветствие), *captatio benevolentiae* (обеспечение расположения к себе адресата), *narratio* (обоснование просьбы), *petitio* или *argumentatio* (собственно просьба), *conclusio* (заключение)³⁰. Особенно важной представлялась первая часть письма, т. к. в ней обозначались иерархические отношения отправителя и адресата.

Указанные разделы можно выявить и в письмах из третьей редакции *Collatio*, вошедшей в состав рассматриваемой нами версии «Истории сражений». Наиболее четко, пожалуй, традиционное разделение присутствует в первом письме Александра к Диндиму. Вот каким образом македонский царь обращается к своему адресату (*salutatio*): «*Rex Regum Alexander, filius dei regis Ammonis et regine Olimpiadis, Dindimo regi Bragmanorum gaudium*»³¹ (Hilka, S. 187, 1–4). Зная правила искусства письма, уже из одной этой строки можно почерпнуть немало информации о том, какие отношения Александр хочет установить со своим корреспондентом. Так, герой, в соответствии с правилами, называет не только свое имя, но и титул и происхождение, а также, что немаловажно, применяет к Диндиму тот же титул, что и к самому себе (*rex*), тем самым обозначая определенное равенство между ними. Однако отметим, что себя он называет не просто королем, а «королем королей» (*rex regum*), при этом на первое место ставя себя и лишь потом адресата: в *salutatio* сначала традиционно указывался тот, кто занимал более высокую социальную ступеньку. Таким образом, отдавая дань уважения предводителю брахманов, Александр тем не менее подчеркивает превосходство своего положения.

Далее следует *narratio* — объяснение причины, по которой Александр решил обратиться к брахманам. Текст *narratio* мог начинаться такой формулой как, например: «Мы слышали от многих достойных доверия людей...»³² — и здесь мы находим аналогичную реплику: «*Audivimus denique per multas vices quod vita vestra et mores multum essent separati ab aliis hominibus...*»³³ (Hilka, S. 187, 4–5). В письме Александра *narratio* слито с *captatio benevolentiae*: так, Александр называет брахманов «удивительными людьми», «*mirabiles homines*» (Hilka, S. 187, 13),

³⁰ *Murphy J. J. Rhetoric in the Middle Ages: a history of rhetorical theory from Saint Augustine to the Renaissance. Berkeley, 1981. P. 224–225; Richardson M. The Ars dictaminis, the Formulary and Medieval Epistolary Practice // Letter-writing Manuals and Instruction from Antiquity to the Present: Historical and Bibliographic Studies / Ed. by C. Poster, L. C. Mitchell. Columbia, 2007. P. 56.*

³¹ «Царь царей Александр, сын царя Аммона и царицы Олимпиады, Диндима, царя брахманов, приветствует (досл. — желает радости. — Е. К.)». Перевод латинских цитат осуществлен нами по изданию, указанному в сноске 24.

³² См., например, письмовник неизвестного автора из Болоньи (1135): *Anonymous of Bologna. The Principles of Letter-Writing // Three Medieval Rhetorical Arts / Ed. by J. J. Murphy. Berkeley, 1971. P. 20.*

³³ «Мы слышали множество раз, что ваша жизнь и нравы весьма отличны от других людей».

т. к. их нравы и жизнь не похожи на какие-либо другие народы. После *narratio* следует *restitutio*: Александр просит наставника рахманов о разъяснении их учения («*Proinde per has litteras te mutum rogando madamus ut, si verum est, nuntietis hoc nobis...*»³⁴; Hilka, S. 187, 14). Любопытна формула «*rogando mandamus*», которая также свидетельствует об отношении Александра к Диндиму: с одной стороны, использован глагол *mandare*, который употребляется в том случае, когда вышестоящие пишут нижестоящим, с другой — глагол *rogare*, характерный для переписки двух равных по положению лиц³⁵. В заключении (*conclusio*) указывается на пользу, которую может принести распространение знаний («*bona etenim et utilis causa est...*», Hilka, S. 187, 34–35), а также повторяется ключевая мысль послания — просьба, с которой Александр обращается к брахманам: «*Unde iterum atque iterum valde rogamus ut sine aliqua tarditate innotescatis nobis hoc unde rogando mandamus*» (Hilka, S. 188, 13–17)

Весьма примечательно то, как меняется обращение корреспондентов друг к другу в разделе *salutatio* в остальных письмах: так, Диндим исправляет Александра, называя себя *didascalus*, т. е. наставник (а не король), но никакого раболепия в его обращении нет: он ставит себя на первое место в *salutatio*, а Александра на второе (Hilka, S. 188, 22–24). Разгневанный его письмом Александр в своем втором ответе вообще упускает какой-либо титул при имени Диндима, что, несомненно, призвано выразить презрение к адресату (Hilka, S. 196, 21–22). Диндим, впрочем, никак не реагирует на предполагаемое оскорбление, предпосылая своему второму письму к Александру точно такое же *salutatio*, как и к первому (Hilka, S. 198, 12–13). Естественно, все эти формальные признаки не могли ускользнуть от средневекового читателя, знакомого с правилами искусства составления писем. Эту переписку следовало читать в соответствии с кодифицированными нормами эпистолярного жанра. Отметим, что соответствующие риторические формулы являются новшеством третьей редакции *Collatio*, вошедшей во все интерполированные версии «Истории сражений»: обратившись к тексту первых двух, более ранних, редакций, датированных приблизительно IV и X вв. соответственно, мы не обнаружим в них ничего подобного³⁶. Учитывая, что правила написания писем закрепились лишь во второй половине XI столетия, это представляется вполне естественным.

Если в латинской версии Александр даже не встречается лицом к лицу со своим оппонентом (он не может пересечь реку, кишашую крокодилами, гиппопотамами и скорпионами) (Hilka, S. 186, 13–21), то в древнерусской версии, напротив, предлагается обширная повествовательная часть, предшествующая беседе Александра с Дандамом. В сказание Палладия, состоящее из двух частей, включены эпизоды из Псевдо-Каллисфена и некоторые интерполяции. Компо-

³⁴ «Поэтому этим письмом весьма прошу тебя (досл. “прося, приказываю”. — Е. К.), чтобы вы, если это правда, рассказали нам об этом».

³⁵ См.: Смирнова В. В. Проблема среднего стиля в средневековых *artes dictaminis* // Стили в литературах средневековой Европы (в печати).

³⁶ Первая и вторая редакция *Collatio* изданы Б. Кюблером: *Iuli Valeri Alexandri Polemi Rex Gestae Alexandri Macedonis* / Hg. von B. Kübler. Leipzig, Teubner, 1888. S. 169–189; *Romanische Forschungen* VI (1891). S. 216–224.

зиционно рассказ о брахманах в «Александрии» второй редакции делится следующим образом:

- сказание Палладия, часть I³⁷ (рассказ некоего фиванского путешественника, побывавшего в Индии и повествующего о ее чудесах, а также рассказ Калана, жившего некоторое время с брахманами), дополненное несколькими вставками³⁸;
- вознесение Александра на крылатых зверях и погружение в стеклянном сосуде в море³⁹;
- эпизоды из Псевдо-Каллисфена (Müller III, 5–6), соединенные с вставками из Палладия⁴⁰: письмо брахман Александру⁴¹, каверзные вопросы царя и ответы брахманов, их критика образа жизни Александра⁴², просьба брахманов о бессмертии;
- сказание Палладия, часть II⁴³ (диалог Онесикрита, посланца Александра, и Дандамия; беседа Дандамия с Александром, состоящая, в основном, из двух монологов предводителя брахманов); история рехавитов, заимствованная из «Хождения Зосимы»⁴⁴.

Из перечисленных эпизодов, составляющих русский рассказ о брахманах, эпизод с вопросами и ответами присутствует также и в латинской «Истории сражений», что само по себе неудивительно: ведь они являются частью общего текста, заимствованного из Псевдо-Каллисфена. Данный эпизод предшествует переписке Александра с Диндимом (Hilka. S. 182–185). Однако народ, с которым сталкивается македонский царь, в латинской версии назван не брахманами, а гимнософистами, и речь идет о двух совершенно различных группах мудрецов. Так, гимнософисты, в соответствии со значением своего имени (греч. *gymnos* ‘нагой’, *sophistes* ‘мудрец’), ходят обнаженными (Hilka. S. 183, 2–7), в то время как брахманы, по словам Диндима, одеваются в листья (Hilka. S. 190, 23–24); гимнософисты живут в земле под названием *Oxidrases*, а брахманы — на реке Фиссон. Гимнософисты имеют собственного короля («*rex gentis huius*»; Hilka. S. 183, 8), который отправляет Александру послание гимнософистов, объясняя, что нет смысла идти на них войной, т. к. они не имеют никакого имущества. Брахманы же, как говорилось выше, имеют не короля, а «наставника», *didascalus*. Таким образом, гимнософисты и брахманы представлены в «Истории сражений» как две разные народности.

³⁷ Летописец Еллинский и Римский. С. 141–145. Ср.: Müller, III, 7–11; Pritchard, I, 1–15 и II, 1 (I. 1–10).

³⁸ О вставках см. ниже.

³⁹ Летописец Еллинский и Римский. С. 145.

⁴⁰ Ibid. С. 146–149.

⁴¹ Письмо брахман предварено коротким вступлением, заимствованным из сказания Палладия. Ср.: Pritchard, II, 1 (I. 11–12) и 2.

⁴² Критическая речь против Александра заимствована из сказания Палладия. Ср. Müller, III, 12; Pritchard, II, 3–11.

⁴³ Летописец Еллинский и Римский. С. 149 — 159. Ср. Müller, III, 13–16; Pritchard, II, 13–57.

⁴⁴ Летописец Еллинский и Римский. С. 159. Ср. Памятники отреченной литературы / Изд. Н. Тихонравовым. Т. 2. М., 1863. С. 78–92.

Отметим, что в исторических источниках нет единообразия в названии индийских мудрецов. Греческие античные историки прибегают чаще к термину «софист» или «гимнософист». Климент Александрийский, приводящий в своих «Строматах» эпизод с вопросами и ответами, говорит о «гимнософистах»⁴⁵. Арриан называет этих философов просто мудрецами, «софистами»: как в «Анабазисе»⁴⁶, так и в труде «Об Индии»⁴⁷. Страбон в «Географии» употребляет слова «брахманы» и «софисты» в качестве синонимов, например: «Неарх рассказывает о софистах следующее. Часть брахманов занимается государственными делами, сопровождая царей в качестве советников. Остальные софисты изучают физические явления; к ним принадлежит и Калан»⁴⁸; «По словам Аристула, он сам видел в Таксилах двоих софистов; и тот и другой были брахманы»⁴⁹. Наконец, у Плутарха, как и у Климента, слово «гимнософисты» относится к тем философам, которые участвуют в эпизоде с вопросами-загадками и ответами⁵⁰. Та же группа мудрецов, к которой относятся Калан и Дандакий, представлена описательно как «наиболее прославленные и живущие уединенно»⁵¹. Если этих философов и можно формально причислить к гимнософистам, то они явно изображены как обособленная группа со своими установлениями и порядками.

Древнейшие греческие рукописи, рассказывающие о встрече Александра с мудрецами, — это Берлинский (Berol. P. 13044, I в. до н. э.) и Женевский (Pap. Genev. inv. 271, II в. н. э.) папирусы, сохранившиеся фрагментарно. На основании данных этих двух папирусов можно предполагать, что изначально речь действительно шла о разных группах мудрецов: в Берлинском фрагменте сохранилась беседа с Александром с гимнософистами, представляющая собой тот самый эпизод с вопросами и ответами, а Женевский донес до нас отрывки из беседы Александра с Дандакием, где говорится именно о брахманах⁵². Когда две традиции соединились в одну, произошло слияние двух групп, что мы и имеем, в

⁴⁵ *Clemens Alexandrinus. Stromata // Titi Flavi Clementis Alexandrini Opera Omnia / Hg. R. Klotz. Lipsiae, 1832. T. 3. VI, 38. P. 120, 3.*

⁴⁶ *Arrian. Anabasis of Alexander, Books V–VII. Indica / Ed. by P. A. Brunt. Cambridge (Mass.), 1983 (repr. 2000). VII, 2. 2–4. P. 206.* Здесь «софистами» названы Дандакий и Калан.

⁴⁷ *Arrian. Anabasis of Alexander, Books V–VII. Indica. 11, 7–8. P. 336.*

⁴⁸ *Strabonis Geographica / Ed. A. Meinecke. T. 3. Lipsiae, B. Teubneri, 1898. XV, 1. 66. P. 998; Страбон. География. М., Наука, 1964. С. 666.*

⁴⁹ *Strabonis Geographica. T. 3. XV, 1.61. P. 994.* Русский перевод: Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. проф. С. Л. Утченко; ред. перевода проф. О. О. Крюгер. М., 1994 (репр. изд. 1964 г.). С. 664. В данном случае брахманы у Страбона — одна из категорий мудрецов вообще («софистов»).

⁵⁰ *Plutarch. Plutarch's Lives / Ed. by B. Perrin. Vol. 7. Cambridge (Mass.), 1919. 64, 1. P. 405.*

⁵¹ «πρὸς δὲ τοὺς ἐν δόξῃ μάλιστα καὶ καθ' αὐτοὺς ἐν ἡσυχίᾳ ζῶντας ἔλεγμεν Ὀνησίκριτον...» (Ibid. 65, 1. P. 408).

⁵² Перевод обоих фрагментов на русский язык см.: *Нахов И. М.* Киническая литература. М., 1981. С. 139–140, 142–144. Издание текста Женевского папируса и его новонайденных фрагментов см.: *Martin V.* Un recueil de diatribes cyniques: Pap. Genev. inv. 271 // *Museum Helveticum* 16 (1959). P. 77–95; *Willis W. H., Maresch K.* The Encounter of Alexander with the Brahmans: New Fragments of the Cynic Diatribe P. Genev. inv. 271 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 74 (1988). P. 59–83. Издание Берлинского папируса см. *Wilcken U.* Alexander der Große und die indischen Gymnosophisten // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* 23 (1923). S. 149–183 (текст папируса: с. 161–162).

частности, в древнерусской версии. Слияние, впрочем, произошло еще на греческой почве. Так, если в Псевдо-Каллисфене повествователь называет философов «брахманами», то в той же главе, двумя строками ниже, философы пишут письмо Александру, начинающееся словами «Γυμνοσοφισταὶ ἀλεχάνδρῳ ἀνθρώπῳ ἐγυράσμεν»⁵³ (Müller III, 5). Таким образом, в греческом тексте данные обозначения употреблены как полные синонимы. В этом контексте представляется любопытным, что в латинской «Истории сражений» сохранилось столь четкое разграничение двух народностей. К сожалению, отсутствие греческого оригинала — рецензии дельта Псевдо-Каллисфена, не дошедшей до нас, — не позволяет решить вопрос, имелось ли разграничение еще на греческой почве. Как бы то ни было, деление на две народности не позволяет, в отличие от древнерусской версии, говорить о едином повествовательном блоке в латинском тексте.

Подведём предварительные итоги. В «Истории сражений» основу рассказа о брахманах составляют пять писем Александра и Диндима друг к другу, построенных по правилам эпистолярного жанра; эпизод же с гимнософистами (вопросы — ответы) представлен как совершенно отдельное, не связанное с брахманами приключение героя. В древнерусской «Александрии», помимо беседы Александра с Дандамием, которую можно рассматривать как своего рода аналог латинской переписки, включена описательная и повествовательная часть из рассказа Палладия с дополнительными вставками по другим русским переводным текстам («Физиолог», «Сказание об Индийском царстве» и др.). Эпизоды представляют собой себя единый рассказ, посвященный одной народности — «рахманам».

Какими же предстают брахманы в двух текстах? И в латинской, и в древнерусской версиях они изображены как праведники. В обоих текстах они ведут аскетический образ жизни, максимально приближенный к природе: питаются тем, что она им посылает; проповедуют отказ от собственности, мирное существование, безгрешность и отсутствие каких-либо страстей и желаний, веру в Бога и отсутствие земной власти (судов, царей и т. п.). Можно привести ряд примеров, где почти буквально совпадают высказываемые мысли: например, о страсти к золоту, которую невозможно утолить, в отличие от жажды; о том, прежде чем бороться с внешними врагами, надо убить в себе внутренние (пороки), чрезмерная болтливость греческих философов противопоставляется молчанию рахманов (весь ваш ум — на языке) и т. д. Наконец, в обоих текстах страна рахманов ассоциируется с земным раем: так, помимо описания плодородия этого края, райской природы (поют птицы, прыгают рыбки, плещется вода), в «Истории сражений» указано, что она расположена на реке Физон — одной из четырех рек, вытекающих из рая, согласно Быт 2. 10–14. В русском тексте этот райский образ, пожалуй, еще более усилен, в первую очередь, за счет сделанных дополнений, о которых говорилось выше, в частности, интерполяции неизвестного происхождения о райских реках, в т. ч. о Фисоне, отождествленном с Гангом, вставки целого пассажа из сказания Палладия, более подробного описания райских пейзажей.

⁵³ «Мы, гимнософисты, написали это послание человеку Александру...»

Однако, при всех совпадениях, акценты в двух текстах ставятся на совершенно разных аспектах, и это проявляется, прежде всего, в критике Диндимом и Дандамием Александра и подвластных ему народов. Начнем с рассмотрения *Collatio*. Переписка Александра с Диндимом, напомним, состоит из пяти писем: трех посланий Александра предводителю брахманов и двух — Диндима царю. Наибольший удельный вес по объему имеет первое письмо Диндима Александру, написанное в ответ на просьбу македонского царя рассказать об учении брахманов. Оно занимает около половины всего текста переписки в целом. Тематически письмо можно разделить на две части. В первой излагается собственно учение брахманов; критика образа жизни македонян здесь присутствует, но в качестве имплицитного противопоставления жизни брахманов, например: «*Apud nos enim illicitum est arare campum cum vomere et terram seminare et boves ad carrum iungere et retia in mare mittere...*»⁵⁴ (Hilka. S. 189, 28–30).

Вторая же часть первого письма (Hilka. S. 192, 36ff) непосредственно посвящена прямой критике образа жизни македонян, и в особенности их верований — греческого пантеона богов. «Мы» и «наш» первой части заменяются на «вы» и «ваш»; Диндим теперь напрямую обращается к оппоненту, обвиняя его и подчиненные ему народы в разнообразных прегрешениях: «*Vos Asiam, Europam et Africam in parvo termino concludere dicilis, vos lumen solis deficere facitis, dum cursus sui terminos armis exquiritis, vos monstrastis ut horribilem Oceanum navigaret homo, vos Tartareum custodem id est canem Tricerbum sopiri posse pretio confirmastis, vos omnia manducantes vultum semper iecunum portatis, vos omnia manducantes vultum semper iecunum portatis, vos adulterare facitis matres vestras...*»⁵⁵ (Hilka. S. 192, 27–36).

Во второй части первого письма Диндима тесно переплетаются две темы: обличение пороков и критика языческих богов. Что касается религиозных верований брахманов, то они откровенно христианизированы; вероятно, христианизация произошла еще в предполагаемом греческом оригинале. Как и в тексте Палладия, Диндим противопоставляет многобожие вере в единого Господа, парафразируя знаменитое начало Евангелия от Иоанна: «*Vos non intelligitis quia Deus non pro pretio neque pro sanguine vituli neque pro sanguine hirci aut arietis exaudit aliquem hominem nisi per bona opera que Deus diligit et per verba orationis exaudit hominem orantem, quia tantummodo de verbo homo similis est Deo, quia Deus Verbum est et Verbum istum mundum creavit et per hoc Verbum vivunt omnia*»⁵⁶ (Hilka. S. 193–194; курсив наш. — *Е. К.*).

⁵⁴ «У нас не дозволено пахать поля лемехом, засеивать земля, запрягать быков в телегу и забрасывать сети в море».

⁵⁵ «Вы говорите, что Азия, Европа и Африка заключены в малые границы (т. е. слишком малы для вас. — *Е. К.*), вы виноваты в том, что иссяк солнечный свет, пока вы с оружием в руках пытаетесь выяснить пределы его (солнца) хода (т. е. выяснить, где оно садится. — *Е. К.*)... Вы демонстрируете, как человек плавает по ужасному Океану, вы доказали, что можно усыпить Цербера, стража Тартара, с помощью подкупа, вы, всем обжираться, имеете вечно постное выражение лица, вы приносите в жертву своих сыновей, а матерям помогаете прелюбодействовать...».

⁵⁶ «Вы не понимаете, что Господь не за вознаграждение и не за кровь теленка, козла или барана внимает человеку, а только благодаря добрым делам, которые Господь любит, и словам

Языческая вера, однако, критикуется не столько в теоретическом, сколько в практическом аспекте, воплощаясь для Диндима в ритуале жертвоприношений: по его словам, только молитвой, словом можно достучаться до Бога, а не с помощью крови теленка, козла или барана (Nilka. S. 193). Многобожие и единобожие противопоставляются Диндимом как плоть и дух. Пантеон греческих богов ассоциируется у него с частями человеческого тела: «sicut corpus hominis multa habet membra, ita dicitis diversos deos in celo consistere»⁵⁷ (Nilka. S. 194, 13–14). В соответствии с этим каждому богу приносится в жертву определенная часть тела: Марсу как богу-защитнику, богу войны — грудная клетка, вспльчивой Юноне — сердце, Меркурию — язык, Геркулесу, который здесь причисляется к богам, — руки, Венере — гениталии, а Купидону — печень, которая считалась в античности средоточием чувственной любви и аффектов. Тема пороков логически соединяется с критикой пантеона богов, т. к. каждое из божеств соответственно воплощает определенный порок или грех (убийство, болтливость, похоть и т. д.).

Таким образом, критика Диндима в латинской версии носит моралистическо-теологическую окраску. Что касается русского Дандамия, то, наряду с обличением различных пороков, аналогичным тому, что мы находим в латинской версии, его «коньком» являются два других аспекта: он пытается внушить Александру отвращение, с одной стороны, к убийству людей и животных, а с другой, к употреблению последних в пищу, как и вообще к употреблению любой пищи, опаленной огнем. Из двух речей Дандамия к Александру в первой как раз сделан акцент на заповеди «не убий». Предводитель брахманов не только указывает царю на аморальность его поведения, но и демонстрирует ему бессмысленность проливания крови ради наживы: «Худъ еси створенъ и нагъ, сам бо сьи чловѣкъ, измаряеши чловѣкы, нъ не единъ чловѣкъ изиде в миръ възрасть. Что ради всѣх убиваеши? Егда ли всѣх имѣние възмеша? Да егда побѣдиши всѣх и всею вселеною обладаеши, умеръ же, толико имаши точию землю имѣти и обладати ею, еликоже азъ нынѣ възлежа, а ты сѣдя. Толико же начнеша обладати тобѣ всѣ имамы: землю, и воду, и въздухъ — и вся, елико имамъ, и ни на что же жалю»⁵⁸ (Летописец, с. 151). Во второй же своей речи, помимо вновь возникающей темы непричинения зла невинным созданиям, Дандамий уделяет большое внимание проповеди вегетарианства и сыроядения, непосредственно связывая поедание мяса с жадной насилья, охватывающей Александра и его воинов: «И остави внѣ мяса два дни и узриши, что будут не мощи ти трѣпѣти сих смрада, нъ и вонь побѣгнеши. Колико влазятъ тѣх ради въ душу нечистоты и вмѣстятъ въ лядви-

---

молитвы внимают он просящего человека, так как только словом человек подобен Богу, ведь Бог есть Слово, а Слово создало этот мир, и Словом все живет».

⁵⁷ « Вы говорите, что множество богов на небе пребывает, подобно тому как тело имеет множество членов».

⁵⁸ «Ты плохо создан и наг; и хотя ты и сам человек — убиваешь людей, но ни одного человека ты не привел в мир и не взрастил. Для чего всех убиваешь? Если даже имущество всех захватишь, если даже победишь всех и всей вселенной овладеешь, то умрешь — что ты будешь иметь? Только землю будешь иметь и владеть ею. Так же, как и я сейчас, на ней лежа, а ты сидя — вот этим будешь владеть, [когда отсюда уйдешь,] так же, как и мы пренебрегающие [всем]. Без распрей и без войны я равно с тобой всем владею: землей и водой, воздухом — вот все, чем я владею и ни о чем не печалюсь» (ЛЛС-Ал, с. 100).

яхъ ходящим, то како убо можете къ такому духъ Божию приити? Мясa убо ядома плоть гладит, душу же немощну творить, гнѣва творить, миръ же отгонить, цѣломудрость же слѣпит, алчъ бо дѣйство уставляет, блевания творит и недугъ вселяет. От мясоядущаго челоуѣка духъ Божию исходит и лютыи бѣсы вселяются. А вы, оставивше плоды овощныи и земное былие, имиже добра воня отдохнется, и от премудрыхъ ядома, Богу лѣпотенъ умъ явить и тѣло лѣпотно створить, то Богъ створи на пищу челоуѣкомъ. Вашъ умъ погыбе ласкосердъствиемъ, отдохнет звѣрским гневом, мяса животнымъ насытящеся»⁵⁹ (Летописец, с. 156).

Итак, при несомненной христианской окраске речей Дандамия, основной его пафос направлен на практические аспекты жизни: мирное существование с другими божьими тварями, как людьми, так и животными, а также здоровое питание, которое связано не только с физическим, но и моральным здоровьем человека.

Отличие русского Дандамия от латинского Диндима подтверждается и сценой совершаемого им ритуала, который разделяет две его речи к Александру. Из всех даров, который ему преподносит Александр, предводитель брахманов берет только масло и выливает его в огонь (Летописец, с. 154). Сцена эта, взятая из Палладия, но имевшаяся, как упоминалось выше, в некоторых рукописях Псевдо-Каллисфена, в том числе в рукописи древнейшей греческой рецензии альфа⁶⁰, не могла бы встретиться в одном тексте с латинской перепиской, в которой Диндим выступает против всякого типа ритуалов и жертвоприношений. То же самое можно сказать, видимо, и в отношении прорицания и гадания. Если Диндим должен был бы отвергнуть подобные формы как выражение язычества, то Дандамей полагает, что таким образом Бог избрал его посредником между собой и людьми: «Азь проповѣдѣ Божия дѣла: глады, пагубы, рати. Ведро, тучя и плодом покажение, и како и откуда и что ради бывают, мнѣ дает вѣдание, проразумѣние Божие. И се же мене зѣло веселить, яко своим дѣломъ Богъ мене свѣтника створи, акы сына любима. Ратныи страх, аще придет на царя, или ино отпадение, то къ мнѣ приходит акы къ агелу Божию»⁶¹ (Летописец, с. 152).

⁵⁹ «Откажись от мяса на два дня и увидишь, что будет, потому что не сможешь ты [больше] выносить смрад его, но даже и прочь побежишь. Ибо сколько входит в душу из-за этого нечистоты и помещается внутри человека! Как же может к такому Дух Божий прийти? Ибо поедание мяса плоть ублажает, душу же немощной делает, гнев вызывает, покой же отгоняет, благо-разумие же ослепляет, а алчность вселяет, рвоту вызывает и болезни порождает. От поедающего мясо человека Дух Божий отходит, и свирепый бес вселяется. А вы отвергли овощи и полевые растения, от которых добрый дух исходит. Они же, мудрыми поедаемые, достойный Богом разум порождает и тело здоровым делают, поскольку их Бог создал для пищи людям. Ваш же уж погиб от чревоугодия, восстанавливает силы [свои] звериным гневом, насыщаясь мясом животных, ибо все части поражаются от члена гнилого» (ЛЛС-Ал, с. 105).

⁶⁰ Рассказ Палладия в единственной дошедшей рукописи рецензии альфа признан исследователями поздней вставкой, не принадлежащей оригинальному тексту романа. См.: *Jouanno C. Naissance et métamorphoses du Roman d'Alexandre: Domaine grec*. Paris, 2002. P. 26.

⁶¹ «Я же предсказываю Божие дела: голод, несчастья, войны, хорошую погоду, тучи и гибель плодов, и как, и откуда, и почему бывают, — как дает мне понимание мудрость Божия. И это меня радует, потому что своим посредником меня Бог избрал, как сына своего любимого. И если угроза войны или иной смуты возникнет перед царем, то [он] ко мне приходит, как к вестнику Божию» (ЛЛС-Ал, с. 100–101).

Перейдем теперь к образу Александра: каким предстает македонский царь в двух рассматриваемых нами текстах? В латинской версии прежде всего бросается в глаза, что Александру принадлежат большее число писем, три против двух Диндима. Однако это, возможно, и не столь принципиально для оценки того, кому автор отдает моральную победу в этой дискуссии, т. к. первое послание Александра представляет из себя лишь призыв к диалогу, а не собственно диалог: напомним, царь обращается к предводителю брахманов за разъяснением о жизни философов. К тому же, первое письмо Диндима, как уже упоминалось, занимает пятьдесят процентов всей переписки, т. е. по объему оно значительно превышает послания героя.

Гораздо важнее то, что именно Александру дается последнее слово в этом споре аскета и наслаждающегося жизнью воина. В первом ответе царь обвиняет Диндима в том, что он хочет разрушить все традиции, которые накопило человечество за свою историю («*vultis destruere omnes consuetudines quas humana natura hactenus habuit*»; Hilka. S. 197), т. е. уничтожить все ремесла, земляные работы, морскую навигацию и т. п. Природному человеку брахманов Александр противопоставляет человека разумного, обладающего свободой воли и пользующегося теми благами, которые предоставила ему природа («*Nobis autem rationabilibus hominibus qui liberum habemus arbitrium, ad bene vivendum dedit ipsa natura multas blanditias*»⁶²; Hilka. S. 197, 23–25). Добровольное самолишение, по Александру, скорее есть проявление глупости, чем мудрости («*Hanc causam secundum meum iudicium dico de vita et de moribus vestris quia plus pertinet ad stultitiam quam ad sapientiam*»⁶³; Hilka. S. 198, 7–9). В ответ на напоминания Диндима во втором его послании о том, что жизнь — лишь проходящий миг и надо думать о вечном, Александр возражает в последнем письме, закрывающем эту переписку: «*Que enim peior afflictio hominis potest esse quam cui negata est potestas in libertate vivere? Noluit vos deus in eternis suppliciis servare, sed vivos iudocavit vos tantam sustinere penuriam*»⁶⁴ (Hilka. S. 200, 24–30). Если в последней фразе своего предыдущего послания Александр противопоставлял подлинную глупость брахманов их мнимой мудрости, то в последней фразе всей переписки можно увидеть параллель к этой оппозиции, т. к. герой, подводя итог своим рассуждениям, утверждает, что вся жизнь брахманов не блаженство, как им хочется думать, а наказание и несчастье: «*Verius ergo confirmo quia non est beatitudo vita vestra, sed castigatio et miseria*»⁶⁵ (Hilka. S. 200, 33–36).

Неудивительно, что такие высказывания Александра могли вызвать противоречивую реакцию у христианских авторов, особенно в сочетании с тем фактом, что в данной переписке с Диндимом конечное преимущество остается все же за Александром. В некоторых рукописях «Истории сражений» последнее

⁶² «Нам же, людям разумным, обладающим свободной волей, сама природа дала множество радостей, чтобы вести хорошую жизнь».

⁶³ «В соответствии с собственным суждением я излагаю этот вопрос о вашей жизни и о ваших нравах, потому что это больше похоже на глупость, чем на мудрость».

⁶⁴ «Может ли быть худшее несчастье для человека, чем то, когда ему отказано в возможности жить свободно? Бог ваш не захотел наблюдать, как вы пребываете в вечных муках, а [сам] живых обрекает на такое несчастье».

⁶⁵ «Итак, истинно я подтверждаю, что ваша жизнь не блаженство, а кара и несчастье».

письмо Александра просто выбрасывается, так что последнее слово остается за Диндимом. Был возможен и более радикальный вариант: так, например, при включении в «Иерусалимскую историю» Жака де Витри все ответы Александра исчезли, превратив диалог двух равноправных мнений в авторитарный монолог Диндима⁶⁶.

Однако как романский герой Александр, несомненно, одерживает моральную победу над Диндимом. Любопытно отметить, что во французском прозаическом переложении редакции J2 «Истории сражений» из всей переписки сохранены только первое и последнее письма Александра, разделенные одним посланием Диндима, в котором остались лишь первые несколько параграфов, соответствующие латинскому оригиналу (Hilka. S. 188–189). Кроме того, если назидательность, конечно, практически всегда присутствует и в западноевропейских текстах об Александре, то она иного, необязательно христианского толка. Македонский царь предстает прежде всего как идеальный воин и правитель, храбрый, куртуазный, щедрый и справедливый, и его образ и походы могли служить своего рода «зеркалом для князей». Возможно, именно поэтому сказание Палладия, где Александр ставится ниже Дандамия, не получило в контексте западноевропейского романа такой же популярности, как латинская переписка.

Каким же предстает Александр в рассказе о брахманах русской «Александрии»? Когда Дандакий отказывается идти к царю по просьбе его посланца Оне-сикрита, Александр делает первую уступку, лично отправляясь побеседовать с наставником брахманов, лежащим нагим под кроной дерева. Вместо разгневанного Александра латинской версии перед нами предстает герой, который «с наслаждением» («зѣло сладцѣ»), по словам автора редакции, выслушивает первую отповедь Дандамия (Летописец, с. 153). Последующее же возвращение царя на прежний путь завоевательных походов здесь объясняется воздействием «некого злобного беса», нежели личной волей самого героя (там же). Полным фиаско оканчивается попытка царя одарить старца в эпизоде с выливанием масла в огонь, о котором шла речь выше. В ответ на предложенные дары Дандакий «посмиася и рече Александру: “Увѣщай птица сиа, иже в дубравѣ сеи поют, взяти злато и сребро, да паче въспоють, нѣ не можеша их увѣщати. Не имаши убо мене боле увѣщати горшу тѣхъ бытии”»⁶⁷ (Летописец, с. 154). Царь ни разу не подвергает сомнению мудрость Дандамия, напротив, утверждая, что он мудрее прочих и «всех людей совершеннее из-за духа», который в нем живет (Летописец, с. 153). В своем единственном ответном слове Александр признается, что боится смерти, а военный путь, на который он встал, рисует не как свой личный выбор, а как предначертанную судьбу (Летописец, с. 154). Наконец, последнее слово — и моральная правота — остается за Дандакием, т. к. после второй его речи Александр лишь целует его на прощание и уходит, «скръбя и чюдясь о глаголѣх его преславных»⁶⁸ (Летописец, с. 159).

⁶⁶ См. выше сноску 23.

⁶⁷ Дандакий «рассмеялся и сказал Александру: “Упроси птиц этих, которые в этой дубраве поют, взять золото и серебро, чтобы громче пели, но ты не сможешь их упросить”» (ЛЛС-Ал, с. 103).

⁶⁸ «...скръбя и удивляясь словам его славным» (ЛЛС-Ал, с. 109).

С чем связано такое изображение главного героя, который в остальном, кажется, ничуть не уступает ни в храбрости, ни в хитроумии, ни в силе своему западноевропейскому коллеге? Возможно, объяснение кроется в том, что древнерусские «Александрии» видят в Александре воплощение тщетных надежд любого человека на власть, богатство и бессмертие. В этом смысле, по сравнению с западноевропейскими текстами об Александре, древнерусские окрашены в легкие меланхолические, даже пессимистические тона. Напомню, что в самую середину рассказа о брахманах довольно неожиданно вставлены эпизоды с вознесением на небо и погружением Александра в пучину морскую. Обе попытки, как известно, закончились неудачей, царь не смог достичь ни неба, ни дна — прекрасная иллюстрация тщетности даже самых смелых человеческих амбиций. Эпизоду с «испытанием высоты небесной» предпослано следующее вступление: «И обшед всю землю, дрзостию побѣждая страны, и хотя видѣти прилежаще небо, акы комару къ земли, ища собѣ бесмертия. Нѣ обаче трудився, не може: челоуѣкъ бо смертенъ сыи създанъ, бе смерти не может быти»⁶⁹ (Летописец, с. 145). В этой связи беседа Александра с группой брахманов о бессмертии, состоявшаяся еще до встречи с Дандамием, оказывается совсем не случайной, а логично встраивается в общее изображение судьбы героя: царь, пораженный мудрыми ответами брахман, разрешает им просить у него всё, что угодно, но единственное, что нужно людям, у которых всего в достатке, — это бессмертие, и как раз этого-то Александр, точно такой же смертный, как и все остальные люди, дать им не может (Летописец, с. 149).

Подведем итоги. Изображение брахман в латинской и русской версиях обладает рядом общих черт, но акцент в их критике Александра и македонских воинов сделан на разных аспектах: на морально-теологическом в «Истории сражений» и морально-практическом в «Александрии». Изображение самого Александра также разнится: в латинской версии он не принимает образ жизни и учение брахман и выдвигает собственную контртеорию, как следует и как не следует жить человеку; в древнерусской версии Александр полностью признает правоту Дандамия, но не может ничего поделать с судьбой, которая волей providения увлекает его все дальше на его воинственном пути.

Ключевые слова: средневековая литература, Александр Македонский, Романы об Александре, брахманы.

---

⁶⁹ «И, обойдя всю землю, отвагой [своей] побеждая страны, пожелал увидеть небо, примыкающее как свод к земле, отыскивая себе бессмертие. Но, напрасно стараясь, не смог, потому что человек — тот создан смертным и без смерти пробыть не может» (ЛЛС-Ал, с. 91).

THE ENCOUNTER WITH THE BRAHMANS IN THE OLD RUSSIAN
AND LATIN VERSIONS OF THE ALEXANDER ROMANCE:
MODIFICATION OF THE SOURCES

E. M. KOROLEVA

The article examines the interpolated Brahmins' episode in the Latin «*Historia de preliis*» (redaction J2) and the old Russian «*Chronograph Alexander*» (second redaction) and analyses similarities and differences that exist between the two versions. Their representations of the Brahmins share some common features, but the emphasis in their criticism of Alexander and Macedonian soldiers is placed on different aspects - the theological ones in the «*Historia de preliis*» and the practical ones in the «*Chronograph Alexander*». The image of Alexander is not quite the same either: in the Latin version he does not accept the mode of life and teachings of Brahmins and develops his own counter-theory preaching how a man should and should not live, in the Russian version Alexander fully recognizes the truth of the Brahmins' leader, but forced into the path of conquest by the will of Providence, he cannot change his own fate.

Keywords: medieval literature, Alexander the Great, Alexander Romance, Brahmins.